

Варвара Жданова

«Барин, подай сиротинке!»

О мотивах «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, М.А. Булгакова.

На заседание якобы мощного подпольного общества «Союз меча и орала», организованного Бендером, являются в числе прочих дураков-заговорщиков двое благовоспитанных молодых людей. «Никеша и Владя были вполне созревшие недотепы. Каждому из них было лет под тридцать. Им, видно, очень нравилось, что их пригласили на заседание».

Думается, здесь Ильф и Петров, в некоторой степени, создали неожиданный и остроумный шарж на самих себя, на свою позицию по отношению к герою. Значительная ярчайшая фигура Остапа Бендера, сильная и загадочная, подавляет робких авторов, герой втягивает их в опасную авантюру.

Уже в сюжетном построении «Двенадцати стульев»: город N, странствующий алчный авантюрист, сатирические картины окружающей жизни, нельзя не заметить влияние «Мертвых душ». Омертвление души в погоне за богатством (например, каким стал прежде вполне благородный Воробьянинов?) – основная преемственно воспринятая Ильфом и Петровым идея поэмы Гоголя.

Чичиков – кумир, зловещий и неотразимый искуситель Чичиков – скрытые качества любезного Павла Ивановича восприняты в образе великого комбинатора и командора Бендера.

«Похождения Чичикова» (1922) – фельетон М.А. Булгакова с элементами фантастики, гротеска, социальной сатиры, в котором герои Гоголя оказываются в «красной» Москве. Чичиков становится изумительно успешным коммерсантом-нэпманом. Ватага гоголевских персонажей потянулась из царства теней. Фельетону предпослан эпитафия из «Мертвых душ»: Чичиков, о котором разнеслись разнообразие таинственные слухи, навсегда выезжает из губернского города NN.

« - Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков Селифану.

- Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж».

В поэме Гоголя, в этой части повествования, авторские лирико-романтические рассуждения, заключения, излияния: «Русь», «дорога», «пространство», на мгновение прерываются, автор иронизирует над своей задумчивостью, социальная действительность, «казенщина», заявляет о себе.

Обратим внимание на следующий эпизод начала поэмы. Направляясь навестить Манилова и Собакевича, Чичиков, как и в финале, выезжает в бричке за городскую заставу.

«С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин, подай сиротинке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням».

И далее, сразу вслед за этим:

«Не без радости был вдали узрет полосатый шлакбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор».

А ведь перед нами очарованная местность - не столько граница между городом и деревней, сколько – с ироническим мистицизмом начертанная граница двух миров. Потусторонний, загробный мир за шлакбаумом вплотную придвинут, соприкасаются мертвое и упоительно живое, чувственное, осязаемое.

Отрывок, о скрывающемся вдали городе оказал безусловное стилевое, эмоциональное влияние на идейно-образный строй «Мастера и Маргариты».

Влияние ощутимо в эпизоде возвращения Рюхина из загородной клиники Стравинского, когда Рюхина «трясло и швыряло» в кузове, а «навстречу грузовику сыпалась разная разность: какие-то заборы с караульными будками и штабеля дров...» В эпизоде полета Маргариты, когда, откинув все чуждое, мертвое, она ощущает живую красоту природы («Лишь только Маргарита коснулась влажной травы...»). И, конечно, в последнем путешествии мастера: город уходит, болотные огоньки, мертвые валуны...

Город N в «Двенадцати стульях» с его обилием парикмахерских и похоронных контор, в котором, казалось, жители «рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть» - в городе N, где скрывается бывший предводитель дворянства Воробьянинов и из которого он выезжает на поиски сокровища – этот город средоточие мертвого, отжившего. На противопоставлении отжившего и живого, нарождающегося, построен роман «Двенадцать стульев». Мистицизм здесь отодвинут на второй план, воспринята гоголевская сатирическая традиция.

«Барин, подай сиротинке!» - этот отрывок, наверняка вспоминали Ильф и Петров, сочиняя свой роман. Восприняты не только стилистика, речевой строй, но, как представляется - образная конструкция. Проходивший мимо поп – может оказаться прообразом жадного и простодушного отца Федора, к своему несчастью встретившегося на пути Бендера.

«Явление героя» в «Двенадцати стульях» пародийно по отношению к неспешному и обстоятельному началу классического романа.

«В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный.

- Дядя, - весело кричал он, - дай десять копеек!

Молодой человек вынул из кармана нагретое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал:

- Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и отстал».

Пожалуй, здесь Ильф и Петров тоже набрасывают шарж на самих себя, подавляемых мощью Бендера, бегущих за ним вприпрыжку. У авторов есть претензии к герою, но он делает, что хочет, а проявление авторской воли превращается в робкую просьбу. Так прилипчивые сиротки-попрошайки «в замаранных рубашках» из гоголевского отрывка надоедали Чичикову.

Революционные годы разделили отечественную культуру на два этапа: прежде и теперь. Ильф и Петров подражают Гоголю и, одновременно, насмешничают над тем, что кажется им отжившим.

Насмешливое подражательство авторов «Двенадцати стульев» походит на желание весело прокатиться на запятках брички Чичикова (Селифан стегнул кнутом зарвавшегося мальчишку).

Бендер протягивает беспризорному яблоко. Это, скорее всего, метафора – Бендер – искуситель, а яблоко – с древа познания добра и зла.

Ближе к концу «Мертвых душ» две дамы сплетничают о Чичикове. Собеседниц интересует исключительно романтическое и inferнальное в истории Чичикова.

«Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина, и требует: «Продайте, говорит, все души, которые умерли». Коробочка отвечает очень резонно, говорит: «Я не могу продать, потому что они мертвые». – «Нет, говорит, они не мертвые, это мое, говорит, дело знать, мертвые ли они, или нет, они не мертвые, кричит, не мертвые».

Великий сочинитель, прибегая к иронии и гротеску, искусно запутывает следы героя. Следы Чичикова теряются и отыскать истину нет ни малейшей возможности.

«...Вдруг в глухую полночь, когда все уже спало в доме, раздается в ворота стук, ужаснейший, какой только можно себе представить; кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!» Каково вам это покажется? Каков после этого прелестник?»

*Примечание. Статья вошла составной частью в сборник В. Ждановой «Кукольный дом»,
выпущенный издательством LAP Lambert Academic Publishing в 2013 году.*